

УДК 929.5:002.2:297.17:908

Нияз-Мухаммад Сулейманов и книжная культура мусульман Казахской степи в начале XX в.

П. С. Шаблей,

*Костанайский филиал Челябинского
государственного университета,
г. Костанай, Республика Казахстан*

Niyaz-Mukhammad Suleymanov and the Muslim book culture in the Kazakh steppe in the early 20th century

P. S. Shabley,

*Kostanay branch of Chelyabinsk
State University,
Kostanay, the Republic of Kazakhstan*

Аннотация

В статье рассматривается деятельность Нияза-Мухаммада Сулейманова, связанная с распространением мусульманской арабграфической книги в Казахской степи. Сулейманов был автором многих работ, посвященных проблемам реформирования мусульманского образования, необходимости изучения русского языка, чтения хутбы на татарском языке. Кроме этого, он был издателем многих книг на татарском, казахском и арабском языках. Книжная торговля позволяла Сулейманову находить средства для этой деятельности. Биография Нияза-Мухаммада Сулейманова и контекст, в котором он действовал, позволяют нам изучить особенности формирования книжной культуры мусульман Казахской степи: какие книги пользовались популярностью, в каких регионах они распространялись, каким образом содержание этих книг оказывало влияние на общественное, политическое движение среди мусульман и развитие духовной культуры в целом.

Abstract

The article deals with the activity of Niyaz-Mukhammad Suleymanov related to the circulation of Arabic-script Muslim books in the Kazakh steppe. Suleymanov was the author of many works devoted to the problems of reforming Muslim education, the necessity of studying the Russian language and reading the khutbah in the Tatar language. Besides, he published a lot of books in Tatar, Kazakh and Arabic. The bookselling helped Suleymanov to find funds for that kind of activity. The biography of Niyaz-Mukhammad Suleymanov and conditions of that period allow us to study the peculiarities of the formation of the Muslims' book culture in the Kazakh steppe, such as types of most popular books, the regions they were distributed in, the way the content of these books influenced the social and political movement among Muslims, and the development of spiritual culture as a whole.

Ключевые слова

Нияз-Мухаммад Сулейманов, книжная культура, реформа, усул ал-джадид, тафсир, хадис, фикх, рисала, тасаввуф.

Keywords

Niyaz-Mukhammad Suleymanov, book culture, reform, Usul-i Jadid, tafsir, Khadith, fiqh, Risalah, tasawwuf.

В XIX – начале XX в. на территории Российской империи активно развивается мусульманское книгопечатание. Типографии, выпускавшие литературу на арабском, персидском и тюркских языках, работали в Казани, Уфе, Оренбурге, Троицке, Ташкенте и других городах¹. Значительная часть книг распространялась в виде рукописей, литографий². Казахская степь, представлявшая собой сложную контактную зону, в которой взаимодействовали представители разных этнических и социальных групп – кочевые и оседлые казахи, сарты, татары, башкиры, русские крестьяне-переселенцы, казаки, купцы, мещане и другие – была активным потребителем мусульманской книжной продукции. Широкое распространение мусульманской арабографической книги позволяет говорить о том, что регионы империи, населенные кочевыми и оседлыми казахами, не были культурной периферией исламского мира³. Они были частью глобального исламского сетевого сообщества, в пределах которого происходила популяризация идей реформ, осуществлялись дискуссии по проблемам шариата, увеличивался авторитет отдельных мусульманских ученых ('алим) и связанных с их деятельностью медресе (мадраса).

С другой стороны, важен не только процесс передачи знаний и коммуникаций в исламских сообществах, но и контекст, в котором они жили. Иначе говоря, имперский контекст. Имперские реформы начала XX в. либерализовали курс правительства по отношению к исламу⁴. Появляется национальная печать, учреждаются благотворительные общества, тем самым открываются широкие возможности для тесной кооперации между частным капиталом и мусульманской книжной продукцией. Неудивительно поэтому, что среди представителей местных национальных элит появляются деятели, которые используют книжное дело для реализации широкого ряда целей и задач современности.

В этой статье речь пойдет о сибирском татарине Ниязе-Мухаммаде Сулейманове, который внес большой вклад в формирование книжной культуры мусульман Казахской степи. Наряду с обширной книгоиздательской деятельностью, он активно занимался книжной торговлей – имел книжные магазины в Петропавловске и Омске. Н.-М. Сулейманов был автором многих книг и статей. Судя по всему, у него была собственная обширная библиотека, следы которой были обнаружены в ходе нашей работы с книжным собранием отдела редких книг, рукописей и национальной литературы Центральной научной библиотеки Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (ЦНБ КН МОН РК).

Нияз-Мухаммад Сулейманов был родом из деревни Утуз Тарского уезда Тобольской губернии. Происходил из семьи сибирских бухарцев. В 1880-1882 гг.

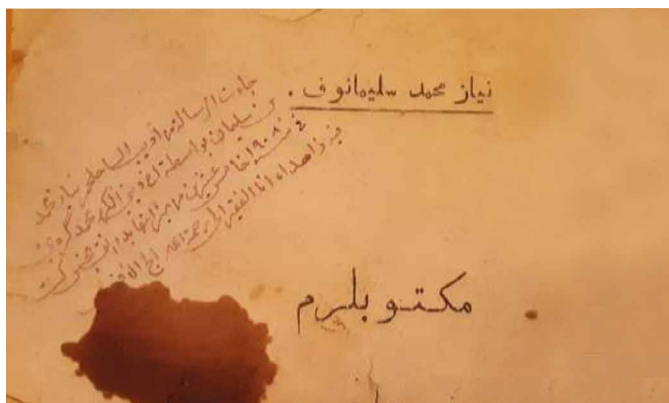

Нияз-Мухаммад Сулейманов. – Хөжжәт әл-Хәким Мәхмүдов. Мәрхүм Нияз-Мөхәммәд әфенди Сөләйманов // Мөшавәрәт календаре 1917 ел өчен. – Казан, 1917. – Б. 69.

Niyaz-Mukhammad Suleymanov. – Huzhzhat al-Khakim Makhmudov. The late Niyaz-Mukhammad efendi Suleymanov // Desk calendar for 1917. – Kazan, 1917. – P. 69.

он обучался в городе Таре в медресе Наджмэтдина хазрата⁵. Затем отправился в Петропавловск, где стал шакирдом Рахматуллаха Янгуразова (в 1884-1887 гг.)⁶. Это был известный ученый, перу которого принадлежит более тридцати сочинений (рисала), в том числе богословские труды, работа о положении мусульман Сибири и другие⁷. Несмотря на то, что библиотека Петропавловского медресе имела определенное число научных и образовательных книг, газет и словарей, Сулейманов подвергал резкой критике местные методы обучения. Называл их схоластическими⁸. В 1892 г., завершив образовательный курс в медресе, он поступил в местное городское училище, по окончании которого выдержал экзамен на знание русского языка⁹. Есть также сведения, что в конце XIX – начале XX в. Нияз-Мухаммад Сулейманов использовал новый метод (усул ал-джаид) для обучения детей, вероятно, у себя на дому. Преподавал русский язык, обучал истории, географии и арифметике¹⁰. Такое обучение, очевидно, не было как-то официально оформлено, так как первое новометодное учебное заведение (получившее разрешение от властей) – школа (мактаб) Хасана Пономарева – появляется в Петропавловске только в 1906 г.¹¹ Стремление к знанию и просвещению своего народа, опора на современные достижения науки и технического прогресса, высокая интеллектуальная культура и связи с крупными религиозными авторитетами своего времени сделали Нияза-Мухаммада Сулейманова одним из крупнейших религиозных и общественных деятелей конца XIX – начала XX в. Его приглашали быть имамом не только в Касимов, Челябинск и Омск, но также и в Санкт-Петербург. Однако Сулейманов не стал покидать Сибирь и отдал свои предпочтения Омску, в котором был имамом Второй соборной мечети (некоторое время был имамом обоих мусульманских общин города) с 1907 г. и вплоть до своей смерти в 1916 г.¹²

Нияз-Мухаммад Сулейманов оставил богатое интеллектуальное наследие. Множество книг и статей, которые он публиковал на страницах таких известных газет как «Терджиман» (Переводчик), «Ульфат» (Единство), «Вақыт» (Время), «Казан Мохбире» (Казанский вестник) и др.¹³ В своих работах Сулейманов выступал сторонником реформы мусульманского образования согласно новому методу, обосновывал необходимость изучения русского языка, выступал за чтение хутбы на тюркском/татарском языке¹⁴. В ходе археографических поездок нам удалось обнаружить несколько книг Сулейманова далеко за пределами Омска и Петропавловска – в Каркаралинске (Центральный Казахстан) и Алматы (Южный

Фрагмент титульного листа книги Нияза-Мухаммада Сулейманова «Мәктүбләрем». – Оренбург, 1907. Из собрания Каркаралинской мечети.

A fragment of the title page of the book "My letters" by Niyaz-Mukhammad Suleymanov. – Orenburg, 1907. From the collection of Karkaralinsk mosque.

Казахстан). Примечательно при этом то обстоятельство, что в Каркаралинске его книга «Мәктүбләрем» (Мои письма), изданная в 1907 г. в Оренбурге, сохранилась в собрании казахской мечети (построена в 1851 г.) Кунанбая Оскенбаева. Эта работа Сулейманова представляет собой сборник статей, опубликованных в прогрессивных татарских газетах. Книга поднимает ряд актуальных вопросов: обсуждение манифеста 17 октября 1905 г. и организация петиционного движения среди мусульман, реформирование системы мусульманского образования, необходимость обучения русскому языку и др.¹⁵ Таким образом, подобного рода литература не только информировала население отдаленных регионов империи о реформах, но и актуализировала, координировала, направляла усилия мусульман к достижению общих целей. При этом татарский фактор мог быть одним из импульсов для мобилизации такого рода движения среди кочевых обществ Казахской степи¹⁶.

Нияз-Мухаммад Сулейманов не только писал книги, но и активно занимался книгоиздательской деятельностью. Хотя мусульманское книгопечатание в начале XX в. приобрело широкий размах, а тиражи отдельных изданий составляли несколько тысяч экземпляров, появление на свет той или иной книги главным образом зависело от участия частного капитала и государственной цензуры. Особый интерес цензоры проявляли к работам современных национальных деятелей, обсуждавших актуальные проблемы современности¹⁷. Так, в 1907 г. татарский купец из Акмолинска Нурмухаммад Забиров выделил средства на первое издание книги казахского писателя и общественно-политического деятеля Мыржакыпа Дулатова «Оян, қазақ!» (Проснись, казах!)¹⁸. В этой работе, по мнению властей, таилась большая угроза – разжигание среди казахов недовольства политикой Российской империи и распространение идей панисламизма¹⁹. В 1911 г. Дулатов был арестован, а ту часть тиража, которую еще не успели реализовать, уничтожили²⁰. Нечто подобное произошло и в истории, к которой имел отношение Нияз-Мухаммад Сулейманов. В 1908 г. в Казани им была издана книга казахского писателя и будущего деятеля партии «Алаш» Ж. Жаныбекова «Айна» (Зеркало)²¹. Появление этой работы, в которой выражалось недовольство по поводу имперской политики в Казахской степи (критике была подвергнута крестьянская колонизация, деятельность миссионеров и др.), вызвало возмущение имперских чиновников. Ее тираж был изъят²².

Спустя некоторое время, в 1909 г., Нияз-Мухаммад Сулейманов издает еще одну казахскую книжку «Садык эфенди». Работа выходит в Санкт-Петербурге в типографии Габдельрашида Ибрагимова – известного исламского ученого, главного редактора газеты «Ульфат»²³. В отличие от работы Жаныбекова, на эту книгу не были наложены цензурные ограничения. Однако это не говорит о том, что работа игнорировала актуальные проблемы современности и имперский контекст как таковой. Издательский интерес, возможно, был обусловлен тем, что книга становилась своеобразным откровением, иллюстрировавшим духовные проблемы казахского общества. Так, в работе обсуждается вопрос о культурной и образовательной отсталости казахов. Например, критика патриархально-родового строя, который не способствует развитию свободы мысли – многие решения не принимаются без разрешения старших (дедушек и бабушек). Другой момент – это разногласия между муллой Садыком эфенди и казахским баем Тезекбаем. Мулла отказывается от дальнейшего обучения ребенка бая, так как тот не осознает пользы от просвещения и науки. Одновременно с этим в книге демонстрируется прогрессивная роль татарских мулл, а также Казани и Троицка в просвещении казахов²⁴. Таким образом, издание подобного рода литературы должно было стать своеобразным критическим мерилем для обсуждения необходимости реформ местных обществ. При этом демонстрация культуртрегерской роли татар не обязательно говорит о том, что это было характерно для большинства казахских источников.

В некоторых текстах идея культурного превосходства татар не принимается в качестве безусловной. Между татарами и казахами, наоборот, разворачивается противостояние за обладание ресурсами власти и доминирования в местных степных сообществах²⁵. Сулейманова интересовали не только работы, связанные с актуальными проблемами современности. Он обращался и к образцам народной литературы. Например, издал казахские пословицы и загадки²⁶. Публикация разных по жанру и содержанию казахских произведений, конечно, не говорит нам о том, что Сулейманов был противником колониальной политики Российской империи. Например, в его статьях 1905 г. мы находим совсем другие послы – восторженные отзывы о манифесте 17 октября и призыв к мусульманам воспользоваться этим манифестом как средством для расширения своих гражданских и религиозных прав²⁷. Очевидно, что подобного рода литература, как и издание акмолинским купцом Забировым книги «Проснись, казах!», должна была способствовать трансформации сознания мусульман – рост убежденности в необходимости перемен в общественной, политической и религиозной жизни, сплоченности интересов общества и консолидации усилий разных этносоциальных групп. Однако Сулейманов, как мы успели заметить, издавал разную по жанру и тематике литературу. Проявлялась ли в этом симпатия по отношению к казахской культуре в целом, или давали о себе знать какие-то субъективные расчеты? Здесь следует говорить о тех локальных реалиях, в которых жил Нияз-Мухаммад Сулейманов. В 1907 г. он становится имамом Второй соборной мечети Омска. Отношения между местными группами мусульман не характеризовались стабильностью. В Омске происходил многолетний конфликт между местными казахами и татарами. Казахи хотели записать Вторую соборную мечеть в свою махаллу, а татары были против этого. Сулейманов пытался примирить противоборствующие стороны и занимал нейтральную позицию. Издание тюркской литературы – не только казахской, но и татарской – было для него очевидным ресурсом в деле укрепления собственного авторитета. Омский имам стремился добиться расположения у каждой из конфликтующих сторон – казахов и татар²⁸. И, действительно, со временем ему удалось немного урегулировать обстановку. Сулейманов смог заручиться поддержкой некоторых влиятельных казахов и стать имамом обоих мусульманских общин города²⁹.

Издательская деятельность Нияза-Мухаммада Сулейманова имела и другую, более фундаментальную направленность. Так, он стремился приобщить мусульман Российской империи к мировому исламскому научному наследию. В 1907 г. Сулейманов издал татарский перевод книги известного египетского ученого Мухаммада Айяда Тантави «Эт-таж эл-мурассаг би жэвахири Коран вэ голум»³⁰. Этот перевод, выполненный известным татарским ученым, главным редактором газеты «Тормыш» (Жизнь) Закиром Кадыри³¹, был активно разрекламирован газетой «Вақыт»³². Ценность работы шейха Тантави, который некоторое время преподавал в Санкт-Петербургском университете³³, заключалась в том, что в ней рассматривалось место ислама в системе разных наук, имелось описание научных данных, содержащихся в Коране. Редакция «Вақыт» рекомендовала книгу Тантави в качестве основного научного пособия в медресе уровня рушдия (среднее отделение)³⁴. Кроме этого, Сулейманов издал еще несколько книг на арабском и татарском языках. Среди них был Таджвид или правила чтения Корана³⁵.

Издание книг требовало значительных финансовых вложений. Одним из источников таких вложений была книжная торговля. В Петропавловске, а затем и в Омске, Нияз-Мухаммад Сулейманов открыл собственные книжные магазины. Такого рода предприятие не было простым делом. Прежде всего требовалось официальное разрешение властей: уездного начальника, местного губернатора. Как правило, прежде чем принять окончательное решение, власти делали запрос в жандармское

управление на предмет выяснения политической благонадежности книготорговца. Часто книжные магазины появлялись вблизи мечетей и медресе, и были учреждены самими имамами. Потребность в открытии этого объекта торговли сводилась к простому объяснению: иметь для мусульманской школы необходимые учебные пособия³⁶. Учитывая, что государство вносило незначительный вклад в финансирование мусульманского образования, и его положение в основном зависело от частных и благотворительных пожертвований, контроль над ассортиментом книжной продукции не носил системного характера. Так, например, в книжном магазине имама Второй соборной мечети города Акмолинска Худжата Махмудова продавались не только учебники, но и сочинение уже известного нам казахского писателя и общественно-политического деятеля Мыржакыпа Дулатова «Проснись, казах!». Только донос со стороны недоброжелателей Махмудова заставил власти обратить внимание на это обстоятельство – изъять книгу из обращения, а имама Второй соборной мечети подвергнуть административной ссылке³⁷.

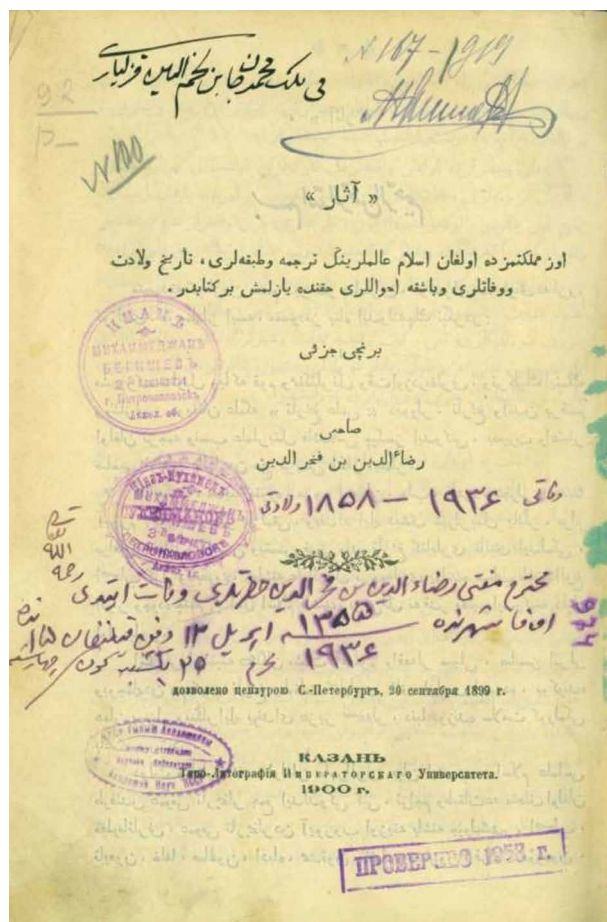
В Петропавловске, судя по источникам, книжная торговля, да и само книжное дело, процветали в начале XX в. В городе было девять мечетей и несколько мусульманских учебных заведений: мектебов и медресе. Мусульманское население в 1901 г. составляло 8 950 человек³⁸. Многие имамы, купцы и другие местные интеллектуалы имели собственные домашние библиотеки³⁹. С точки зрения развития книжного рынка, большой известностью пользовалась книжная лавка петропавловского мещанина Хасана Абдрашитова⁴⁰. Свой бизнес в Петропавловске хотели развернуть и казанские предприниматели. Так, в архиве сохранилось прошение казанского мещанина Абдулваля Ахмадуллина об открытии собственного книжного магазина. Однако ему в этой просьбе было отказано⁴¹. Хотя политическая благонадежность Ахмадуллина не вызывала каких-то опасений, решающую роль, по всей видимости, сыграли другие факторы – обычная перестраховка, связанная с необходимостью ограничить поток литературы, которая может содержать какие-то панисламистские коннотации⁴².

В книжном магазине Сулейманова покупателю предлагался широкий ассортимент продукции: от канцелярских товаров, географических карт и прописей до разных сочинений и книг на арабском, персидском и тюркских языках. Кроме этого, в наличии были хадисы, работы по фикху, тасаввуфу, правилам поведения⁴³. Археографические изыскания позволяют нам разобраться с особенностями книжной торговли Нияза-Мухаммада Сулейманова: определить название и содержание отдельных книжных изданий, а также места их возможного распространения. В Казахской степи популярностью пользовались книги по тюркской и татарской истории. Среди них: «История Казани. Собрание русских и татарских летописей, составленное Карлом Фуксом»⁴⁴, «Развалины Булгара и древние болгары». Перевод с английского Н. Халфина⁴⁵, «История Булгар» (краткие извлечения из трудов Марджани и других работ)⁴⁶. Эти работы с печатью «Книжная торговля Нияз-Мухамеда Сулейманова» были обнаружены нами в отделе редких книг, рукописей и национальной литературы ЦНБ КН МОН РК в Алматы. Почему данная литература пользовалась популярностью? Труд К. Фука и перевод Н. Халфина книги английского историка Эдуарда Тоэрнли представляли собой одни из первых европейских изданий по истории татар и болгар. Их распространение среди мусульман должно было отразить перспективу осмысления собственной истории через призму разных источников и одновременно с этим сформировать представление о так называемом критическом методе или научном подходе к освещению исторических событий. С другой стороны, популяризация болгарского наследия и исторического прошлого татарского народа укрепляла убежденность мусульман в том, что они живут в конфессиональном государстве, которое проявляет веротерпимость по отношению к исламу⁴⁷. В этом плане казахи, исключенные в 1868 г.

из юрисдикции Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), стремились уравнивать свое положение с татарами. В конце XIX – начале XX в. они подавали много петиций в высшие правительственные инстанции империи с просьбой отменить основные положения реформы 1868 г.⁴⁸

Книжная торговля Нияза-Мухаммада Сулейманова охватывала разные регионы Казахской степи. На территории современной Карагандинской области, в собрании Каркаралинской мечети нами была сделана интересная находка – фрагмент обложки книги, в нижней части которой содержится муаллак (один из основных источников ранней арабской поэзии), принадлежащий перу арабского поэта доисламского периода Имру ал-Кайсы б. Худжр б. ал-Хариса ал-Кинди. Возможно, что речь идет о каком-то поэтическом сборнике, или, что наиболее вероятно, о книге, описывающей нормы поведения и этикета, эпиграфом к которой и были выбраны соответствующие стихи⁴⁹. Причем на ее обороте содержатся интересные рукописные заметки – Кыссэ-и уаки⁵⁰ а-и Кербеля, то есть название казахской книжки про имама Хусейна, погибшего при Кербеле⁵⁰. Вполне возможно, что эта рукописная запись не имеет никакого отношения к книге, которую продавал Нияз-Мухаммад Сулейманов. Однако тот факт, что фрагмент обложки книги, содержащей фрагменты доисламской поэзии, был использован в качестве черновика для казахской повести по шиитской истории, заслуживает внимания. Это говорит нам о том, что книги, охватывающие разный спектр арабской культуры и напрямую не связанные с определенной мусульманской традицией, все же носили больше просветительские функции и органично вписывались в каноны мусульманской книжной культуры Казахской степи.

Теперь обратимся к несколько иному ракурсу исследования – изучению личных библиотек мусульманских интеллектуалов. Ассортимент книжных коллекций, их содержание позволяют прояснить особенности формирования мировоззрения личности, ценности человека. Иначе говоря, те убеждения, предпочтения и нормы, которые могли выходить за пределы публичной сферы, – не могли не отражаться на страницах газет и журналов, в повестках общественных и политических собраний, в петициях, адресованных имперскому государству и пр. В перспективе, изучение более или менее полных книжных собраний, принадлежавших тому или иному лицу, позволит разобраться с рамками и ограничениями, которые исследователи возводят вокруг той или иной интеллектуальной традиции. Например, противоречия между джадидизмом и кадимизмом. В этом отношении изучение личной библиотеки Нияза-Мухаммада Сулейманова пока еще носит предварительный характер. Из числа книг, принадлежавших имаму Второй соборной мечети Омска, было обнаружено только две. Первая – это известное произведение кадия ОМДС, редактора журнала «Шура» Ризаэтдина Фахреддинова «Асар» (том 1)⁵¹. Вторая называется «Танзыймат». Она была составлена Ризаэтдином Фахреддиновым и представляет собой сборник правил, циркуляров и постановлений, которыми должны были руководствоваться мусульманские духовные лица в своей деятельности⁵². Судя по печатям на титульном листе, обе книги после смерти Нияза-Мухаммада Сулейманова перешли к Мухаммеджану Бегишеву – имаму Третьей мечети города Петропавловска. Бегишев был известным сторонником реформаторских идей. Ввел новый метод обучения в своем медресе⁵³. Конечно, состав книжного собрания (довольно скромный) Сулейманова не вызывает у нас удивления. Труд Фахреддинова «Асар» был широко распространен среди мусульман Российской империи. Его читали не только реформаторы, но и обычные мусульмане. Например, в Кустанае (Северный Казахстан) сохранилась библиотека Гарифа Шакирова, одного из основателей театральной татарской труппы города. Кроме «Асара», Шакиров читал и ряд других работ Фахреддинова, посвященных известным историческим деятелям мусульманского мира⁵⁴. В отличие от «Асара»,

Ризаэтдин Фахреддин. Асар. –
Казань, 1900.

Rizaetdin Fakhretdin. Asar. –
Kazan, 1900.

«Танзыймат» имел более узкий читательский спрос, так как представлял собой набор служебных документов. С другой стороны, остается открытым вопрос о том, насколько правила и циркуляры, подготовленные к изданию Фахреддиновым и призванные адаптировать шариат к имперскому законодательству, соответствовали принципам и убеждениям духовного лица. Такого рода документы не всегда отражали жизненные реалии и возможности мусульманского ученого делать разные интерпретации шариата, и поэтому могли играть лишь формальную роль в осуществлении правового регулирования на месте⁵⁵. Все это очень логично. Тем не менее, могут быть и другие объяснения специфики формирования книжных коллекций. Например, характер личных связей и отношений, особенности исламского дискурса, вакуфные пожертвования и др. Эти факторы, конечно, не всегда связаны с идейными соображениями индивидов. Почему книги Сулейманова достались после его смерти Мухаммеджану Бегишеву? Возможно они были друзьями. Но еще более логичным видится такое объяснение: Мухаммеджан Бегишев был родным братом Габдельгазиза Бегишева (ум. в 1910 г.) – того самого человека, который стал учителем Нияза-Мухаммада Сулейманова после смерти Рахматуллаха Янгуразова⁵⁶. Интерес вызывает и тот факт, что Габдельгазиз, в отличие от своего брата, так и не ввел новый метод обучения в своем медресе⁵⁷. Другой нюанс – это характер отношений между Фахреддиновым и Сулеймановым. Имам Второй соборной мечети Омска был одним из информаторов Фахреддинова в ходе его работы над биографическим сводом «Асар». Сулейманов присылал ему биографические сведения о сибирских улемах⁵⁸. Таким образом, раскрытие таких специфических деталей отрывает более приватное и менее официозное понимание

путей формирования личных библиотек, которые далеко не всегда были обусловлены какими-то идейно-политическими предпочтениями владельцев книжных коллекций.

Многогранная деятельность Нияза-Мухаммада Сулейманова – это лишь один из примеров того, какой вклад отдельные личности вносили в формирование книжной культуры мусульман Казахской степи. Конечно, он не был каким-то исключением, так как книжная торговля и вложение собственных средств в издание работ на арабском, персидском и тюркских языках приобретали широкий размах в начале XX в. Часто это было связано с необходимостью продвигать идеи реформ в отдаленных регионах империи, способствовать культурному и национальному развитию мусульманских обществ, активизировать политическое и общественное движение среди мусульман. Случай Сулейманова примечателен еще и тем, что в своей деятельности он стремился примирить разные конфликтующие стороны, сбалансировать отношения между татарами и казахами. Возможно, именно поэтому им издавались работы как на родном для себя татарском, так и на казахском языках. С другой стороны, примечателен и ассортимент книжных изданий: не только работы по истории, актуальным проблемам современности, но и специфические труды по богословию и исламским наукам. Тем самым, жизнь мусульманского интеллектуала, каким был Нияз-Мухаммад Сулейманов, не была ограничена какими-то однообразными или исключительными приоритетами, а наоборот, ориентировалась на широкий круг культурных и социально-политических потребностей общества, в котором он жил. С этой точки зрения, содержание понятия книжная культура, осмысливается нами в виде мозаично-плюралистического отношения к миру⁹. Здесь нет четко выраженного противопоставления между главным и второстепенным. Именно поэтому ассортимент книжной торговли и сам характер книгоиздательской деятельности Сулейманова зависели не только от особенностей развития книжного рынка как такового, но и от специфики локального культурного досуга, а также субъективных представлений личности об актуальности тех или иных изданий в данное время и в конкретном обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Каримуллин А. Г. Татарская книга пореформенной России. – Казань, 1983; Катанов Н. Ф. Восточная библиография. – Казань, 2004; Казахское книжное дело в документах и материалах XIX – начала XX вв.: Сборник архивных документов / Науч. ред. Ж. Ж. Шалгынбай, В. З. Галиев. – Алматы, 2009; Данилов В. А. Из истории издания и распространения мусульманской книги в России // Вестник Омского университета. – 2008. – № 3. – С. 127-146.
2. Бустанов А. К. Книжная культура сибирских мусульман. – М., 2013; Щеглова О. П. Литографическое книгоиздание на персидском языке в Туркестане и Бухаре 1881-1918 гг. – СПб., 2011.
3. Одним из источников распространения мусульманской книги в Казахской степи была деятельность последователей суфийских орденов. Так, в 1854 г. в Капале (современная Алма-Атинская область) российские власти арестовали ишана Мухаммада Шарифа Мансурова, среди вещей которого были обнаружены рукописи на арабском, персидском, татарском и чагатайском языках. Кроме этого, у него была изъята библиотека, включавшая двадцать два наименования различных религиозных книг (см.: Исторический архив Омской области, ф. 3, оп. 3, д. 3644, л. 335). Книги в Степь попадали не только извне. Многие казахи владели обширными книжными собраниями и, очевидно, передавали их своим потомкам. Так, у Абдуллы Исабекова из семипалатинского уезда в 1903 г. власти изъяли 107 книг. Среди них было много книг по шариату (см.: Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК), ф. 15, оп. 2, д. 399, л. 107-108 об.).
4. В особенности, «Указ об укреплении начал веротерпимости [от 17 апреля 1905 г.], «Манифест об усовершенствовании государственного порядка» [от 17 октября 1905 г.] и др.
5. Неизвестная нам личность.
6. *Хәҗжәт әл-Хәким Мәхмүдов*. Мәрхүм Нияз-Мөхәммәд әфенди Сөләйманов // Мөшавәрәт календаре 1917 ел өчен. – Казан, 1917. – Б. 69-70.
7. Бустанов А. К. Указ. соч. – С. 24-39; Фәхрәддин Р. Асар. 3, 4 т-р. – Казан, 2010. – Б. 140.

8. Нияз-Мөхәммәд Сөләйманов. Кичмеш иллә хәзер // Өлфәт. – 1906. – № 9. – Б. 4.
9. Хәҗрәт әл-Хәким Мәхмүдов. Күрс. хез. – Б. 69.
10. Нияз-Мөхәммәд Сөләйманов. Кичмеш иллә хәзер... – Б. 5.
11. ЦГА РК, ф. 369, оп. 1, д. 4059 (6), л. 18-19.
12. Хәҗрәт әл-Хәким Мәхмүдов. Күрс. хез. – Б. 69-70.
13. Небольшая подборка этих статей опубликована в его книге «Мәктүпләрем» (Мои письма) (см.: Нияз-Мөхәммәд Сөләйманов. Мәктүпләрем. – Оренбург, 1907).
14. Нияз-Мөхәммәд Сөләйманов. Шәрки рус мәктүпләре. – Оренбург, 1907. – Б. 9, 18-19; он же. Тәрки нотыкларым: мәжмугасы. – Оренбург, 1911. – Б. 5-6, 16-17.
15. Нияз-Мөхәммәд Сөләйманов. Мәктүпләрем... – 25 б.
16. В этом случае не без основания имперские власти в начале XX в. выражали опасения по поводу влияния татарских интеллектуалов из Петропавловска и Акмолинска на активизацию общественного и политического движения среди местных казахов (см.: ЦГА РК, ф. 369, оп. 1, д. 780, л. 8, 12-13, 29-30).
17. Целый ряд такого рода материалов отложился в фонде 776 Главного управления по делам печати Российского государственного исторического архива и фонде 420 Казанского временного комитета по делам печати Государственного архива Республики Татарстан.
18. Мәңгәр Ә. Хатирәләр һәм истәлектәр. – Казан, 1997. – Б. 137-138. Книга пользовалась большой популярностью среди казахского населения, и тираж быстро разошелся. Второе издание появилось в 1911 г. и почти сразу было конфисковано. Основные темы книги: осуждение переселенческой политики Российской империи, призыв казахов к просвещению, недовольство по поводу ограничений государства в религиозном вопросе (строительство мечетей, количество мулл), требование по созданию казахского духовного управления мусульман (см.: Галиев В. З. Книга, разбудившая народ: разыскания о Мыржакыпе Дулатове и о его сборнике «Проснись, казах!»). – Алматы, 2011. – С. 350-385).
19. ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 6003, л. 1 об., 7 об.
20. Галиев В. З. Указ. соч. – С. 394-397.
21. Жәнібеков Ж. Айна. – Казань, 1908.
22. ГА РТ, ф. 420, оп. 1, д. 107, л. 88-89.
23. Садық әфенди. – Санкт-Петербург, 1909.
24. Там же. – Б. 3-5.
25. Ақан сері Қорамсаұлы. Көкшетауда Науан молда мен Хамидолла ноғай молдасы бақас болғанда, Хамидоллаға Ақан серінің айтқаны // Ақан сері Қорамсаұлы, Үкілі Ыбырай Сандыбайұлы, Балуан Шолақ Баймырзаұлы. Шығармалары. – Алматы, 2014. – Б. 97-99.
26. Жұмбақ вә мәкәллере. – Казан, 1908.
27. Нияз-Мөхәммәд Сөләйманов. Унжиденче октябрь манифест галиясы мәнәсибателә вә мәғрифчи яшьләре [хатабым] // Казан мөхбире. – 1905. – № 16. – Б. 4.
28. Омскидагы ихтиләфнең сәбәпләре // Сибиря. – 1913. – № 136. – Б. 3.
29. Омскида мәғһнәсез ихтиләф // Кояш. – 1913. – № 103. – Б. 5.
30. Мухаммад Айяд Тантави. Эт-таж әл-мурассаг би жәвахири Көрһан вә голум. – Оренбург, 1907.
31. Тюркоглу И. Новые штрихи к творческой биографии Закира Кадыри-Угана // Tatarica. – 2019. – № 1 (12). – С. 130.
32. Ике әсәрләре // Вақыт. – 1907. – № 204. – Б. 2-3.
33. Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. – Т. 5. – М., 1958. – С. 259-299.
34. Ике әсәрләре // Вақыт. – 1907. – № 204. – Б. 2-3.
35. Нияз-Мөхәммәд Сөләйманов. Мәктүпләрем... – Б. 25.
36. ЦГА РК, ф. 369, оп. 1, д. 4485, л. 184.
37. Там же, ф. 64, оп. 1, д. 6003, л. 1 об., 7 об.
38. Там же, ф. 369, оп. 1, д. 3696, л. 51.
39. В ходе археографических изысканий нам удалось обнаружить книги из личных библиотек имама второй мечети Габдельвагапа Яшуева, имама третьей мечети Мухаммеджана Бегишева, его сына Абдрахмана, купца Хамзы Тюменева и др.
40. ЦГА РК, ф. 369, оп. 1, д. 3639, л. 51.
41. Там же, д. 4485, л. 292.
42. В начале XX в. власти пытались выяснить характер распространения идей крымского реформатора Исмаила Гаспринского в Казахской степи. Под подозрение попадали не только из-

вестные татарские прогрессивные деятели, но и делались попытки выяснить какая литература попадает в Степь (см.: ЦГА РК, ф. 369, оп. 1, д. 780, л. 18).

43. *Нияз-Мөхәммәд Сөләйманов*. Мәктүбләрем... – Б. 26.

44. Казан тарихи. – Казань, 1908 // Отдел редких книг, рукописей и национальной литературы ЦНБ КН МОН РК, инв. ном. 1337.

45. Болгар хәраблары һәм борынгы болгарлар. – Казань, 1908 // Отдел редких книг, рукописей и национальной литературы ЦНБ КН МОН РК, инв. ном. 1338.

46. Тарихи Болгар. – Казань, 1907 // Отдел редких книг, рукописей и национальной литературы ЦНБ КН МОН РК, инв. ном. 1339.

47. Так, татары Екатерину II называли Бабушкой-царицей (Әби патша). Этот неофициальный комплементарный титул был дан ей за разрешение строить мечети, проявление веротерпимости и создание ОМДС в 1788 г. (см.: *Амирханов Х.* Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники). – Перевод со старотатарского, вступ. статья и комментарии А. М. Ахунова. – М., 2010. – С. 97). Идея конфессионального государства обоснована Робертом Крузом: *Robert Crews. For prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia.* – Cambridge & Massachusetts & London, 2006. – P. 9-10.

48. РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 602, л. 172; оп. 10, д. 29, л. 286 (б)-287 (а); ГА РТ, ф. 1370, оп. 2, д. 22, л. 1 об.

49. Материалы полевых исследований Шаблей П. С. [31.10.2021]. Я благодарю Динару Марданову за перевод этого муаллака, и помощь в установлении его авторства. Так, существует предположение, что автором этого муаллака является не Имру ал-Кайса, как указано на обложке книги, а другой арабский поэт, который в последующем принял ислам – Лабид б. Рабия (ок. 560-661).

50. Печатный вариант книги был издан в Казани: Кыссэ-и уаки'а-и Кербея ошбу дар. – Казань, 1898.

51. *Фәхретдин Р. Әсәр*. – Беренче бүлек. – Казан, 1900 // Отдел редких книг, рукописей и национальной литературы ЦНБ КН МОН РК, инв. ном. 974.

52. *Фәхретдин Р. Тәнзиймат*. – Казан, 1898 // Отдел редких книг, рукописей и национальной литературы ЦНБ КН МОН РК, инв. ном. 978. Подробнее об этой работе см.: *Загидуллин И. К.* Казый Р. Фахретдин и регламентация обязанностей приходского духовенства на рубеже XIX-XX вв. // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2021. – № 3. – С. 15-23.

53. См. о нем: *Баруди Г.* Кызыльяр сәфәре. – Казан, 2004. – Б. 92-93.

54. Материалы полевых исследований Шаблей П. С. [2.12.2021].

55. Например, ахун Хабибрахман Масагутов в 1915 г. опубликовал в газете «Юлдуз» (Звезда), выходившей в Казани, жесткую критику циркуляров ОМДС (см.: Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания 1836-1903 гг.). – Казань, 2004. – С. 163-165.

56. *Хәҗжәт әл-Хәким Мәхмүдов*. Күрс. хез. – Б. 69.

57. Так, журнал «Дин вә мәгыйшәт» («Религия и жизнь»), издававшийся в Оренбурге, писал в 1911 г., что имам шестой мечети не был против введения нового метода обучения. Проблема заключалась в другом – Бегишев опасался различных брожений и смут среди студентов, поэтому и принял решение не вводить *усул ал-джадид* (см.: Дин вә мәгыйшәт. – 1911. – № 8. – Б. 126).

58. *Фәхреддин Р. Әсәр*. – 3, 4 т-р. – Казан, 2010. – Б. 143.

59. *Кривич Н. А., Чукуров А. Ю.* Книжная культура: вызовы современности // Общество. Среда. Развитие. – 2016. – № 4. Электронный ресурс. Режим доступа: https://terrahumana.ru/arhiv/16_04/16_04_18.pdf (дата обращения 3.12.2021).

Список литературы

Бустанов А. К. Книжная культура сибирских мусульман. – М., 2013. – 264 с.

Галиев В. З. Книга, разбудившая народ: разыскания о Мыржакыпе Дулатове и о его сборнике «Проснись, казах!». – Алматы, 2011. – 525 с.

Данилов В. А. Из истории издания и распространения мусульманской книги в России // Вестник Омского университета. – 2008. – № 3. – С. 127-146.

Загидуллин И. К. Казый Р. Фахретдин и регламентация обязанностей приходского духовенства на рубеже XIX-XX вв. // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2021. – № 3. – С. 15-23.

Каримуллин А. Г. Татарская книга пореформенной России. – Казань, 1983. – 320 с.

Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. – Т. 5. – М., 1958. – 536 с.

Кривич Н. А., Чукуров А. Ю. Книжная культура: вызовы современности // Общество. Среда. Развитие. – 2016. – № 4. Электронный ресурс. Режим доступа: https://terrahumana.ru/arhiv/16_04/16_04_18.pdf (дата обращения 3. 12. 2021).

Мәңгәр Ә. Хатирәләр һәм истәлектәр. – Казан, 1997. – 137 б.

Тюркоглу И. Новые штрихи к творческой биографии Закира Кадыри-Угана // Tatarica. – 2019. – № 1 (12). – С. 121-135.

References

Bustanov A. K. *Knizhnaya kultura sibirskih musulman* [The book culture of Siberian Muslims]. Moscow, 2013, 264 p.

Danilov V. L. *Iz istorii izdaniya i rasprostraneniya musulmanskoj knigi v Rossii*. [Excerpts on the history of the publication and distribution of Muslim books in Russia]. IN: *Vestnik Omskogo universiteta* [Omsk University Bulletin], 2008, no. 3, pp. 127-146.

Galiev V. Z. *Kniga, razbudiвшaya narod: razyskaniya o Myrzhakype Dulatove i o ego sbornike "Prosnis, kazakh!"* [The book that woke people: searches about Myrzhakyp Dulatov and his collection "Wake up, Kazakh"]. Almaty, 2011, 525 p.

Karimullin A. G. *Tatarskaya kniga poreformennoj Rossii* [The Tatar book of the post-reform Russia]. Kazan, 1983, 320 p.

Krachkovsky I. Yu. *Ocherki po istorii russkoj arabistiki* [Essays on the history of Russian Arabic studies]. IN: *Krachkovsky I. Yu. Izbrannye sochineniya* [Selected works. Vol. 5], Moscow, 1958, 536 p.

Krivich N. A., Chukurov A. Yu. *Knizhnaya kultura: vyzovy sovremennosti* [Book culture: modern challenges]. IN: *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development], 2016, no. 4. On-line. Available at: https://terrahumana.ru/arhiv/16_04/16_04_18.pdf (accessed on 3. 12. 2021).

Mäñghär Ä. *Hatirälär häm istäleklär* [Memories and monuments]. Kazan, 1997, 137 p.

Robert Crews. *For prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge & Massachusetts & London, 2006, 464 p.

Turkoglu I. *Novye shtrihi k tvorcheskoy biografii Zakira Kadyri-Ugana* [New touches to Zakir Kadyri-Ugan's creative biography]. IN: *Tatarica*, 2019, no. 1 (12), pp. 121-135.

Zagidullin I. K. Kazi R. *Fakhretdin i reglamentatsiya obyazannostey prihodskogo duhovenstva na rubezhe XIX-XX vv.* [Qadi R. Fakhreddin and the regulation of duties among the congregational clergy at the turn of the 20th century]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2021, no. 3, pp. 15-23.

Фото предоставлены автором статьи.

Photos are submitted by the author of the article.

Сведения об авторе

Шаблей Павел Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент Костанайского филиала Челябинского государственного университета, e-mail: pavel-shablei@list.ru

About the author

Pavel S. Shabley, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at Kostanay branch of Chelyabinsk State University, e-mail: pavel-shablei@list.ru

В редакцию статья поступила 02.02.2022, опубликована:

Шаблей П. С. Нияз-Мухаммад Сулейманов и книжная культура мусульман Казахской степи в начале XX в. // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2023. – № 2. – С. 173-184.

Submitted on 02.02.2022, published:

Shabley P. S. *Niyaz-Mukhammad Suleymanov i knizhnaya kultura musulman Kazakhskoy stepi v nachale XX v.* [Niyaz-Mukhammad Suleymanov and the Muslim book culture in the Kazakh steppe in the early 20th century]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2023, no. 2, pp. 173-184.